

В. В. КНЯЗЕВ

<«...По личным его свойствам, сможет выполнить эту операцию успешнее, чем кто-либо другой»>

Производство молодого капитана 1-го ранга в контр-адмиралы с назначением командующим Черноморским флотом было эмоциональным шоком даже для такого человека, как Александр Васильевич¹. Ведь такое назначение связано было с тем, что весной 1917 г. намечалось выполнить, как «апофеоз» победного конца войны — с так называемой «Босфорской операцией», с ударом по Константинополю. Общее мнение в Ставке было, что контр-адмирал Колчак, по личным его свойствам, сможет выполнить эту операцию успешнее, чем кто-либо другой. Вообще же военная обстановка в Черном море была недопустимой. Были постоянные набеги немецких быстроходных крейсеров — «Гебен» и «Бреслау», что ставило в очень опасное положение весь наш транспорт на Черном море². Тем более что, кроме этих 2-х крейсеров, нашему транспорту по снабжению Кавказской армии мешали постоянно еще подводные лодки и аэропланы-разведчики. Черное море, как путь, готово было закрыться для нас. Вот-вот повесят замок на двери снабжения Кавказской армии, и что тогда?

Контр-адмирал Колчак, приняв флот от адмирала Эбергардта, в полночь с 6 на 7 июля 1916 г. (т.е. через 8 дней после смены контр-адмиралом Колчаком Балтики на Черное море) поднял свой флаг, а адмирал Эбергардт спустил свой. А через несколько минут было принято радио и расшифровано: крейсера «Гебен» и «Бреслау» вышли из Босфора в море. Контр-адмирал Колчак немедленно приказал выходить в море своему флагманскому линейному кораблю. Взяв крейсер «Кагул» и пять миноносцев, с рассветом с 6-го на 7-е июля он вышел в открытое море. При выходе из Севастополя нашим аэропланом, сопровождавшим контр-адмирала, была замечена подводная лодка, посланная крейсерами. От лодки удалась увернуться³. В 3 часа дня показался дым из труб крейсеров — «хозяев Черного моря».

По положению и курсу крейсеров было установлено, что они идут на Новороссийск, который был главной базой питания Кавказской армии. Лишь только в поле зрения крейсеров врага попала наша эскадра, «крейсера-пираты», конечно уже знавшие, что перед ними адмирал Колчак — мгновенно повернули обратно на Босфор. Погоня за врагом была достойна адмирала, которому было возможно открыть огонь только с предельной дистанции 11–12 миль⁴. Впоследствии стало известно о некотором количестве раненых осколками от рвавшихся снарядов с наших кораблей, и неизвестно, чем бы кончилась погоня, если бы не наступила тьма и гроза. Этот выход «Гебена» и «Бреслау» остался единственным за время командования Александра Васильевича в Черном море.

Ряд операций по заграждению Босфора минами производился всегда под личным руководством адмирала, что и дало полную возможность совершать нужный транспорт в Черном море точно в мирное время. В декабре «Кагул» потопил две канонерки близ Босфора.

Адмирал начал подготовку большой Босфорской операции. Всю душу и мысли адмирал отдавал на работу по возвращению Святой Софии в граде Константина. С дрожью в сердце следил адмирал за текущей работой, боясь, что Англия не допустит реализации русского святого плана. Для этой операции в непосредственное распоряжение адмирала поступила дивизия ударного типа, кадр которой был прислан с фронта и командиром которой был назначен один из лучших офицеров Генерального штаба — генерал Свечин. Начальником штаба Свечина был полковник Генерального штаба Верховский. Ударная дивизия должна была быть выброшена, первым десантом, на неприятельский берег, чтобы сразу на нем основаться и обеспечить место высадки для следующих за этой дивизией войск. Эта подготовка работ шла до государственного переворота февраля 1917 г.

Извещение о событиях адмирал получил от председателя Государственной думы Родзянко. Выступление Государственной думы, как высшей правительственной власти, подавало надежду, что революция, может быть, внесет энтузиазм в народные массы и даст возможность закончить победоносно войну, которая продолжается: значит, по инерции надо себя чувствовать «*in stato belli*».

Вскоре адмирал получил извещение об отречении государя от престола и манифест. Адмирал собрал на «Георгии Победоносце» представителей Черноморского флота и сказал: «В настоящее время нельзя рассуждать военным людям о случившемся, а надо мужественно смотреть в глаза происшедшему. Прежней власти не существует. Династия, видно, кончила свое существование, и наступает для России и ее народа новая эпоха. Каковы бы ни были у нас взгляды, каковы бы

ни были у нас убеждения, мы ведем войну и потому мы нашу Родину должны защищать от все еще нападающего на нее врага». По окончании речи адмирал получил обещание от представителей флота исполнить его пожелание.

В половине апреля приехал в Одессу Гучков и вызвал адмирала из Севастополя. Гучкова встречали как нового военного министра — с большим торжеством. Адмирал обрисовал Гучкову положение во флоте — весьма тревожное. Измена, пропаганда и появление неизвестных лиц среди войска не дают возможности бороться против растущего разложения в армии, и это главным образом потому, что под видом «свободы» может говорить кто угодно и что угодно. До сих пор адмирал борется, имея только одно средство: уважение к нему команд и рабочих, но это средство сегодня есть, а если завтра рухнет, то Черное море не будет угрожать нападающему врагу. Гучков выразил уверенность, что адмирал справится.

В начале мая 1917 г. Керенским были исключены из состава правительства Гучков и Милюков. Адмирал тогда обратился к Керенскому с просьбой освободить и его от командования, так как он управлять флотом не может, а занимать в таких условиях место — нелепо. Керенский просил адмирала не уходить до его приезда в Севастополь. Адмирал согласился недолго подождать. 2-го мая Керенский прибыл в Одессу, откуда с адмиралом в отряде из 4-х миноносцев они прибыли в Севастополь. Встреча была торжественная. Керенский, объезжая суда, говорил речи — команды слушали. Но на команды эти речи не производили никакого впечатления. По-видимому, торжественность приема обуславливалась именем адмирала, подкрепленным 4-я миноносцами.

Керенский, невзрачной фигуры, глубоко штатский, без какого бы то ни было достоинства в манерах, терявшийся в обстановке лихих черноморцев и не обладая интуицией, принимал торжественность приема за успокоение.

Обращаясь к адмиралу, он сказал: «Ну, вот видите, адмирал, все улажено! На многое теперь приходится смотреть сквозь пальцы. Оставайтесь, адмирал! Это просьба правительства и моя!» Адмирал ответил: «Хорошо, я остаюсь! Но повторяю — ненадолго!» Верховный главноуправляющий, как называли Керенского, прощался с командами и в тот же день отбыл в Петроград.

В Черном море ничего не изменилось, напротив, становилось все хуже и хуже. Через 2–3 дня после успокоения Керенского, по радио было распоряжение об обысках офицеров и об их разоружении. Большевики подняли решетки, за которыми сидели звери. Выпущенный уголовный сброд стал свободным. В Кронштадте шел кровавый шабаш. Матросы, слышав когда-то и что-то о «Варфоломеевской ночи», сократив трудное

для произношения длинное название, заменили его «Еремеевской ночью» для всех офицеров флота в Балтийском и Черном морях. Многие офицеры застрелились. Наконец, адмирал приказал собрать команду «Георгия Победоносца» и сказал, что рассматривает разоружение офицеров как оскорбление, которое наносится прежде всего ему — старшему из офицеров.

Дальше адмирал объявил, что с этого момента он перестает командовать флотом в Черном море и об этом шлет телеграмму правительству. Адмирал кончил говорить. Наступила тишина. Медленно снял с себя адмирал Георгиевский палаш и, подняв его высоко над головой, сказал: *«Это оружие храбрых дало мне море, пусть оно его и получит»*. Широким размахом бросил адмирал за борт «Георгия Победоносца» свой Георгиевский палаш. Тишину нарушил всплеск воды за бортом корабля. Бледный, взволнованный постоял адмирал в раздумье и спустился вниз с палубы⁵.

Через некоторое время делегация «Георгия Победоносца» вручила адмиралу его Георгиевское оружие, поднятое со дна моря. Интуитивный поступок саморазоружения адмирала произвел сильное впечатление на команду «Георгия Победоносца», которая, вместе с адмиралом охраняя славу России, любила и уважала его, как человека, и ценила, как беззаветно храброго и честного воина и патриота. В полночь адмирал спустил свой флаг, передав адмиралу Лукину командование флотом. В три часа ночи адмирал Колчак получил телеграмму, в которой поступки нижних чинов флота объявлялись правительством как акт, враждебный революции и родине. Из Петрограда выехала следственная комиссия для разбора положения в Черноморском флоте. Адмирал стал ждать прибытия этой комиссии⁶.

Прибывшая комиссия совершенно запуталась в пропаганде, лжи и губительной дезорганизации флота. Была ясно видна растерянность малоопытных членов комиссии. Все шло к полной гибели вооруженных сил России. Дальнейшее пребывание в Черном море адмирал считал ненужным. С разрешения комиссии, адмирал, осветив положение в Черном море, как он его понимал, отбыл в Петроград.

